

Зарубежная философия.
Современный взгляд

**БЕРГСОН И БАШЛЯР:
ИНТУИЦИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ
ИЛИ ИНТУИЦИЯ МГНОВЕНИЯ?**

И.И. БЛАУБЕРГ

Философ, эпистемолог, исследователь природы воображения Гастон Башляр (1884 – 1962) принадлежал к тому поколению французских интеллектуалов, которое формировалось в эпоху, отмеченную сильным влиянием идей А. Бергсона. Они оставили след и в творчестве Башляра, начавшего свою философскую деятельность в 20-е гг. XX в. В его книгах мы встретим много бергсоновских тем, размышлений над ними. В целом в теоретических установках этих философов можно обнаружить немало сходного. Одним из ключевых для обоих мыслителей был вопрос о науке и ее отношениях с философией, оба выступили с критикой образа науки, сложившегося в XIX в., с критикой научного догматизма. Хотя Башляр, ученик рационалиста и философа науки Леона Брюншвика, с самого начала двигался по пути рационализма, а концепцию Бергсона часто относили к иррационализму, при более внимательном анализе оказывается, что все совсем не так однозначно. Оба философа искали новую рациональность, расширяли само это понятие путем обращения к опыту интуиции, творческого воображения. Сближает их и отрицание жесткого детерминизма в науке, подчеркивание роли случайности. Но само это переосмысление понятия рациональности, в том числе научной рациональности, шло по разным линиям. И получилось так, что именно Башляр стал в 1930-е гг. одним из оппонентов французского интуитивиста. В этот период оформилось его критическое отношение к бергсоновскому учению, что хорошо заметно, например, в «Психоанализе огня», где некоторые высказывания звучат как прямая полемика с Бергсоном: «Человеку свойственна подлинная *воля к интеллектуальности*. Мы недооцениваем потребность в понимании, когда, подобно прагматикам и бергсонистам, ставим ее в полную зависимость от принципа пользы»¹. Здесь, правда, речь идет не о самом Бергсоне, а о «бергсонистах», но объектом критики является, вероятно, и их вдохновитель.

Башляр подверг критике и самую важную, центральную для Бергсона концепцию – его теорию длительности, впервые представленную в «Опыте о непосредственных данных сознания» (1889) и развитую, дополненную в более поздних произведениях. Эта история

интересна тем, что в ней четко выразились два подхода к проблеме времени, укорененные в давних философских традициях: с одной стороны, трактовка времени как складывающегося из отдельных неделимых моментов, с другой — его понимание как неразрывной целостности, континуальности. Истоки первой традиции лежат где-то в седой древности, у истоков второй — Плотин, связавший время с душой, а далее — Августин, который исследовал в «Исповеди» парадоксы времени и выдвинул концепцию длящегося настоящего, времени как растяжения души². В концепциях Бергсона и Башляра столкнулись два эти понимания времени, две интуиции — интуиция длительности, как называл сам Бергсон свою центральную идею, и интуиция мгновения, как Башляр озаглавил одну из своих работ, посвященных этой проблеме.

Вначале напомним вкратце бергсоновскую концепцию длительности, или «конкретного времени». Следуя Августину, Бергсон связывает время с сознанием, а точнее, фактически отождествляет длительность, «конкретное время», с сознанием на его глубинном уровне, где оно не искажено еще влияниями социальной жизни и языка. В этом сознании нет ничего застывшего, нет повторений, нет, строго говоря, отдельных состояний, там все непрерывно движется, развивается; это область, где господствует становление, но становление особого рода. Суммируя описания Бергсона, можно сказать, что для него длительность, т.е. время, каким оно воспринимается в сознании, — это непрерывное взаимопроникновение разнородных элементов, состояний, причем каждый из этих элементов только условно можно выделить из целого и в каждом из них отражается все целое. А кроме того, вся эта картина без конца меняется, поскольку с любым новым впечатлением, восприятием, воспоминанием наше сознание на глубинных его уровнях становится в чем-то иным, перестраивается, в нем прошлое всякий раз по-иному сплавляется с настоящим. В этом и заключена гарантия новизны, развития: нам не удастся, даже если мы захотим, вернуться назад, стать такими, какими мы только что были. Но вместе с тем мы не утрачиваем своей целостности, единства, однако в самом этом целом постоянно осуществляется темпоральный синтез, меняющий всю картину. Особенно хорошо изложена эта концепция в начале первой главы «Творческой эволюции»: «Представление о прерывности психологической жизни связано... с тем, что наше внимание фиксирует эту жизнь в ряде отдельных актов... Правда, наша психологическая жизнь полна непредвиденного. Всплывают тысячи случайных явлений, кажущихся оторванными от того, что им предшествовало, и не связанными с тем, что за ними следует. Наше внимание останавливается на них, ибо они больше его затрагивают, но каждое из них приносит текучей массой всего нашего психологического существования. Каждое из них — лишь наиболее

освещенная точка в подвижной сфере, охватывающей все, что мы чувствуем, думаем, желаем, — словом, все, что мы собой представляем в данный момент. Эта сфера в целом и образует в действительности наше состояние»³.

При такой трактовке времени особое значение приобретает память, сберегающая прошлое, которое, по Бергсону, никогда не исчезает окончательно, а непрестанно взаимодействует с настоящим; настоящее, в свою очередь, отчасти простирается в будущее, которое, однако, в существенных своих чертах не поддается предсказанию, прогнозу. Именно такая трактовка, считал Бергсон, позволяет разрешить известный с древности парадокс нереальности времени (он-то и стал главной темой размышлений в XI главе «Исповеди» Августина): если считать, что время состоит из отдельных мгновений, то окажется, что его вообще не существует, поскольку в каждый данный момент прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее постоянно ускользает, не может быть удержано, схвачено, как-то зафиксировано. Подобному пониманию Бергсон противопоставляет, вслед за Августином, идею длящегося настоящего: настоящее длится именно потому, что непрерывно сопрягается в сознании с прошлым, сохраняемым в воспоминаниях, и с рождающимся будущим.

В такой концепции времени Бергсон видел обоснование и залог человеческой свободы: человек свободен изначально, глубинно, к сознанию его неприменимо понятие причинности, каким оно выступает в естественных науках. Ведь в случае сознания никогда нельзя сказать, что причины жестко определяют следствия: в следствиях здесь, в силу постоянной изменчивости и новизны явлений сознания, всегда содержится больше того, что было в причинах. Поэтому так называемая психологическая причинность, исследовавшаяся в современной Бергсону психологии, предстает в его концепции фактически не чем иным, как свобода. Конечно, человек может не осознавать своей свободы, но это уже другая проблема. А на самом деле в человеке «фонтанирует», как любил выражаться Бергсон, творческая энергия, спонтанность, свобода.

К созданию концепции длительности Бергсона подвела в 80-е гг. XIX в. рефлексия над понятиями классической механики, а позже он вывел различные следствия из этой своей основополагающей идеи — применительно к гносеологии, онтологии, антропологии, этике. Приложив по аналогии свою модель сознания-времени к внешней реальности, Бергсон обосновывал в «Творческой эволюции», где длительность приобрела уже объективный характер, саму возможность эволюционного процесса, появления в мире новизны, случайность развития и пр. «Имеется радикальное различие, — писал он в одной из поздних работ, — между эволюцией, непрерывные фазы которой взаимопроникают в силу особого внутреннего роста, и развертыва-

нием, с присущим ему рядоположением отдельных частей. Так веер, который мы разворачиваем, мог бы раскрываться быстрее и быстрее, даже мгновенно, но демонстрировал бы все тот же узор, заранее нанесенный на его ткань. А в реальной эволюции, если ее ускорить или замедлить, всё, от начала до конца, внутренне преобразуется. Ее ускорение или замедление и есть это внутреннее преобразование. Ее содержание составляет единое целое с ее длительностью»⁴.

Бергсоновская трактовка длительности предвосхитила в некоторых важных моментах изменение научной картины мира, произошедшее в конце XX в., в том числе в работах И. Пригожина⁵. В неверном представлении о времени Бергсон увидел главную причину того, что философия на протяжении столетий сталкивается с неразрешимыми проблемами, не может объяснить, что такое движение, развитие, эволюция. Все дело в том, полагал он, что в этих философских теориях время оказывается нереальным, оно фактически, как он выражался, ничего не делает, ничему не служит. В формулах классической механики оно предстает как обратимое, а значит, фактически становится линейным, отождествляется с пространством. А из пространства как такового мы не выведем новизны, развития. И в этом смысле философские и научные теории оказываются в разительном противоречии с нашим непосредственным опытом времени, восприятием его в сознании. Ведь даже такой простой опыт, как ожидание, а особенно нетерпеливое ожидание, показывает нам, что время реально: как бы мы ни старались, не в наших силах упразднить интервал, отделяющий нас от того, чего мы ждем.

Итак, для Бергсона реальное или, как он еще говорил, конкретное время — это непрерывная, неделимая, нелинейная и, соответственно, необратимая длительность. Башляр подробно разбирает бергсоновскую трактовку длительности в двух работах — «Интуиция мгновения» (1932) и «Диалектика длительности» (1936).

В «Диалектике длительности» Башляр писал, что принимает в бергсонизме почти все, кроме непрерывности⁶. На самом деле наших философов разделяет многое, но именно проблема непрерывности стала для Башляра той почвой, на которой вызревали его собственные представления о времени, в большой мере определившие дальнейший путь его творчества. С подходом к этой проблеме напрямую связаны его знаменитые понятия эпистемологического препятствия и эпистемологического разрыва, противостоявшие кумулятивистскому представлению о развитии науки. В обобщенном виде критика Башляром учения Бергсона изложена в «Диалектике длительности», но основные ее положения представлены уже в «Интуиции мгновения». Непосредственным поводом для написания этой работы Башляру послужила книга его друга — историка, писателя, поэта Гастона Рупнеля «Силое» (1927). Интуиция, о которой здесь идет речь, это, строго

говоря, интуиция Рупнеля, но Башляр ее разделяет. Рупнель предлагает в этой книге свою трактовку времени, по сути противоположную бергсоновской, и Башляр опирается в своих размышлениях на его суждения, поддерживая его в главном: в понимании времени как прерывного, складывающегося из отдельных мгновений. Он пишет: «Главную метафизическую идею книги Рупнеля можно определить следующим образом: время обладает единственной реальностью — реальностью мгновения. Иначе говоря, время — это реальность, сжатая в мгновение и висящая между двумя пропастями небытия. Безусловно, время сможет возродиться, но сначала оно должно умереть. Оно не в состоянии продлить свое бытие от одного мгновения к другому, чтобы составить длительность»⁷ (обратим здесь внимание читателя на слова о «двух пропастях небытия» — мы вернемся к этому позже). Стало быть, интуиции длительности здесь противопоставляется интуиция дискретного времени — времени, складывающегося из отдельных мгновений. И с такой трактовкой времени Башляр соглашается, замечая, что он сделал попытку согласовать две эти теории: философию длительности Бергсона и философию мгновения Рупнеля, — но понял, что такое эклектическое решение неприемлемо и нужно делать выбор между ними.

Башляр признается, что долгие месяцы размышлял над этой проблемой. В «Интуиции мгновения» он описывает ход этих «темпоральных медитаций», излагает те психологические опыты, которые ставил над самим собой, стремясь учесть их в своей аргументации. В этом он, кстати, оказывается близким к Бергсону, который также пришел к своей концепции длительности в результате психологических исследований, в том числе самонаблюдения. Но в эволюции Башляра не менее (если не более) важно и другое. Как постепенно выясняется, к критике Бергсона его подтолкнули далеко не только Рупнель и его книга. В своих размышлениях Башляр опирался на опыт современной ему науки, на теорию относительности Эйнштейна и квантовую механику. Здесь нужно учесть, что именно в конце 1920-х — начале 1930-х гг. началась деятельность Башляра как философа науки, формировался его эпистемологический инструментарий. Он был уже автором книг «Очерки о приближенном познании» (1927), «Индуктивное значение теории относительности» (1929). Очевидно, именно осмысление теории Эйнштейна и побудило его к переоценке взглядов Бергсона, а тем самым и к более глубокому исследованию проблемы времени: ведь размышления о времени, по его словам, «предваряют любую метафизику»⁸. Башляр сам признает, перефразируя Канта, что от догматического сна (т.е., поясним, от согласия с бергсоновской концепцией) его пробудила эйнштейновская критика объективной длительности: «Скоро нам стало ясно, что эта критика разрушает абсолютный характер того, что длится, сохраняя...

абсолютный характер того, что есть, то есть мгновения»⁹. Башляр стремится опровергнуть один из тех аргументов, которые Бергсон использовал для обоснования реальности времени-длительности. Выше мы упомянули об опыте ожидания, свидетельствующем, по Бергсону, об этой реальности. В «Творческой эволюции» он приводит пример, ставший с тех пор знаменитым: если мы хотим приготовить стакан сладкой воды, нам приходится ждать, пока сахар растает. «Время, которое я трачу на ожидание, — писал Бергсон, — совпадает с моим нетерпением, то есть с известной частью моей длительности, которую нельзя произвольно удлинить или сократить. Это уже не область мысли, но область переживания. Это уже не отношение; это принадлежит к абсолютному»¹⁰. Ну нет, отвечает Башляр, согласно теории Эйнштейна время ожидания оказывается вовсе не абсолютным. То, что Бергсону представлялось определенной фиксированной величиной, на самом деле относительно и зависит от системы отсчета. Правда, возразили бы мы Башляру, для Бергсона, на наш взгляд, в этом примере важны вовсе не количественные меры, а сам тот факт, что *приходится ждать*. Для него этот факт был примечателен тем, что доказывал последовательность, следование, существующее даже в материальном мире и свидетельствующее о реальности времени, его необратимости. Но как бы то ни было, в теории Эйнштейна, по Башляру, именно мгновение как точка пространства-времени оказывается абсолютном, а это совершенно несовместимо с бергсоновским учением, где абсолютна сама длительность.

Башляр занял сторону Рупнеля, придя к выводу, что именно мгновение является специфической характеристикой времени, поскольку в ином случае не существует возможности четко отделить настоящее от прошлого, установить момент, когда начинается какое-то действие. Непрерывность, по Башляру, не позволяет понять суть свободы и творчества, поскольку творческий акт — это всегда разрыв, прерывание, внезапное изменение, отказ от предшествующего, — одним словом, в начало чего-то нового. Ведь «новизна всегда мгновенна»¹¹. Сама творческая деятельность разума предстает как цепочка обособленных мгновений, а вовсе не как непрерывное течение. «Время — это мгновение, — излагает Башляр идею Рупнеля, — и именно настоящее мгновение несет на себе всю темпоральную нагрузку. Прошлое так же пусто, как и будущее. Будущее так же мертво, как и прошлое. Мгновение не содержит в себе длительности»¹². Непосредственным является именно наш опыт мгновения, а длительность — относительная, второстепенная и в общем искусственная данность.

Итак, длящегося настоящему Бергсона Башляр противопоставляет иное — скажем так, «пульсирующее», или «мерцающее» настоящее Рупнеля. У Рупнеля, замечает он, настоящее тоже длится, но в том смысле, что оно постоянно возобновляется; такое «длящееся на-

стоящее» организуется из множества мгновений. Тем самым Башляр фактически возвращается к тому парадоксу времени, о котором шла речь выше: как схватить, удержать это прерывистое, непрестанно утекающее от нас время, состоящее из отдельных мгновений? И все же именно такое время он называет реальным. «Жизнь, — пишет он, — отдает в наше распоряжение такое необычайное богатство мгновений, что осознание этого богатства делает его неопределимым. Мы замечаем, что могли бы тратить гораздо больше этих мгновений, откуда возникает ощущение, что мы могли бы тратить их не считая. Именно на этом основывается наше ощущение глубинной непрерывности»¹³. К богатству мгновений мы стремимся в своей жизни, исключительные пережитые нами моменты, счастливые или драматические, мы удерживаем в памяти, «отправляясь на поиски утраченных мгновений»¹⁴. Очевидно, что последнее выражение — антитеза к прустовским «Поискам утраченного времени», ведь роман Пруста — одно из классических произведений литературы «потока сознания», во многом опиравшейся и на бергсоновские идеи.

Но если прошлое и будущее «пусты», «мертвы», если они суть не что иное, как два небытия, окружающие мгновение, то откуда вообще берется представление о ходе времени, о длительности? Или, как выражается Башляр, что придает времени видимость непрерывности? Как выясняется из дальнейшего изложения, связующей нитью между прошлым, настоящим и будущим является привычка. Именно она объединяет друг с другом дискретные, обособленные мгновения. Привычка синтезирует в себе рутинность и новизну: устоявшиеся, стандартные способы действия, поведения, мышления оттачиваются благодаря ей до такой степени, что возникает возможность перехода к новому их уровню, возможность творчества: «...способность может оставаться способностью только в том случае, если она стремится презойти себя, если она является ступенькой на пути прогресса. Если пианист не хочет сегодня играть лучше, чем вчера, то он обрекает себя на потерю техники исполнения. Если он относится к своему делу не творчески, его пальцы скоро утратят навык бегать по клавиатуре. Поистине душа управляет рукой. Поэтому нужно схватить навык — привычку — на его взлете, чтобы понять его в его сущности»¹⁵.

Таким образом, привычка, упорядочивающая, организующая человеческое существование и вместе с тем нацеленная в будущее, обрисовывающая перспективу действий, объединяет мгновения в отчетливые ритмы, придавая им фундаментальную временную связность — длительность. Так в концепции Башляра появляется очень важное для него понятие ритма. Всякая привычка представляет собой регулярный, четко выдерживаемый ритм, а поскольку для каждого индивида характерна иерархия привычек, то сам он является «интегральной суммой» временных ритмов. Из этого Башляр делает

следующий вывод: «Если мы встанем перед фактом безграничного богатства выбора, который нам предлагают отдельные мгновения, организованные в узлы привычками, то мы увидим, что можно будет говорить о *хронотризмах*, соответствующих различным ритмам, конституирующим живое существо»¹⁶.

Хотя общий дух «Интуиции мгновения» явно критический, из этой работы становится ясно, как глубоко затронула Башляра концепция Бергсона, и не только его философия становления, но особенно высказанная им в «Материи и памяти» идея о множестве длительностей, существующих в реальности, и о различии ритмов этих длительностей. Спиритуалист Бергсон объяснял такое различие тем, что сверхсознание, духовное начало мира, на разных иерархических уровнях природы обладает разным напряжением. «В действительности, — писал он, — нет единого ритма длительности: можно представить себе много различных ритмов, более медленных или более быстрых, которые измеряли бы степень напряжения или ослабления тех или иных сознаний и тем самым определяли бы соответствующее им место в ряду существ. Это представление о длительностях различной эластичности, быть может, трудно для нашего ума, который приобрел утилитарную привычку представлять вместо истинной длительности, переживаемой сознанием, однородное и независимое время...»¹⁷ Приводя данную цитату из Бергсона, Башляр подхватывает эту тему, рассматривая понятие ритма как фундаментальное темпоральное понятие, но перетолковывает ее в духе Рупнеля.

Критически переоценивая концепцию Бергсона, Башляр, однако, не хочет отказываться от самого понятия «длительность», несущего в себе очень важные бергсоновские смыслы. Продолжая размышлять над этой проблемой, повторяя прежние аргументы и формулируя новые, он выстраивает в «Диалектике длительности» целую систему обоснований своей позиции, из чего постепенно развертывается — в явном или скрытом противостоянии Бергсону — его собственная философия времени. В самом названии этой книги выражен ее замысел — противопоставить бергсоновской «интуиции длительности» диалектику длительности, которая раскрыла бы богатство значений, связанных с этим понятием, «рассмотреть как равно важные негативные и позитивные воздействия времени»¹⁸. Башляр анализирует здесь многие ключевые понятия философии Бергсона — не только «длительность», но и «жизненный порыв», «порядок» и пр., но главной точкой отсчета по-прежнему остается проблема непрерывности. Так, по Башляру, неразрывная связь прошлого и будущего, постулированная Бергсоном, приводит к возрождению в его концепции старых схем и понятий, с которыми он боролся еще в «Опыте», например понятия субстанции души: прошлое у него «остается субстанцией настоящего, или, иначе говоря, настоящее мгновение всегда явля-

ется только феноменом прошлого. И таким образом в бергсоновской психологии полная, глубокая, непрерывная, богатая длительность выполняет функцию духовной субстанции. Ни при каких обстоятельствах душа не может отделиться от времени; она всегда, как все счастливые в мире, находится во власти того, чем она обладает»¹⁹. Но такая власть времени над человеком, невозможность вырваться из его потока — вещь очень опасная. Бергсоновская концепция длительности и связанное с ней учение о жизненном порыве есть, по Башляру, «философия полноты», не оставляющая места для тех «лакун в жизненном времени», тех разрывов, которые необходимы человеку для творчества; жизненный порыв, увлекающий человека вперед, лишает его возможности личного решения, достижения собственных, индивидуальных целей.

В критике понятия жизненного порыва Башляр разделяет мнение тех оппонентов Бергсона, которые (как, например, Н.А. Бердяев) упрекали его в биологизме, не позволяющем раскрыть суть человеческой свободы. Но он обращает внимание и на то, что сам образ жизненного порыва противоречит представлению о покое, расслаблении, развлечении, составляющих необходимые моменты человеческой жизни. В самом начале «Диалектики длительности» Башляр пишет о том, что рассматривает свою книгу как пропедевтику к философии покоя. Это заявление звучит несколько иронически, но, как выясняется дальше, имеет под собой вполне серьезные основания. Философу, полагает Башляр, необходимо осмыслить покой как один из элементов становления: «...покой вписан в сердцевину бытия, мы должны ощутить его в глубине своего существа, тесно связанный со становлением, присущим нашему бытию, на уровне самой темпоральной реальности, на которую опираются наше сознание и наша личность»²⁰. Поднявшись над жизненным порывом путем рефлексии, найдя покой, необходимый для созерцания, интеллект вновь обретет свои спекулятивные функции, способность к творчеству, которую, как считает Башляр, отрицал за ним Бергсон.

По словам Башляра, вся его книга представляет собой попытку развить «дисконтинуальный» бергсонизм, в котором учитывалась бы диалектика бытия и небытия, ситуации новизны, опасности, абсолютного и тотального риска, смерти — короче говоря, то, что в философии экзистенциализма получило название предельных ситуаций. Действительно, Башляр — человек другого поколения (он родился, когда Бергсон уже начал свою профессиональную деятельность), и в его философии зазвучали иные мотивы. «Ничто» для Башляра — важное понятие, и он не может примириться с тем, что в бергсоновской «философии полноты», основанной на идее непрерывности, этому понятию не остается места. В самом деле, Бергсон в разных своих работах, в том числе в «Творческой эволюции», критиковал понятие

«ничто», видя в нем один из главных примеров псевдопонятий, унаследованных от классической философии. И Башляр совершенно прав в том, что эта критика естественным образом вытекает из самой сути его концепции. Эта особенность бергсоновского учения послужила одним из аргументов против его идей не только Башляру, но и целому ряду философов последующих поколений. Так, развернутой антитезой к этой позиции Бергсона предстает главная теоретическая работа Ж.П. Сартра «Бытие и ничто», где мы читаем: «...если повсюду бытие, то не только Ничто, как это допускает Бергсон, непостижимо: из бытия никогда не получить отрицания. Для того чтобы можно было сказать “нет”, необходимо постоянное присутствие небытия в нас и вне нас, когда ничто *преследует* бытие»²¹.

В «Диалектике длительности» Башляр привлекает для обоснования своей позиции сведения из разных областей научного знания: в психологии это идеи Пьера Жанае, в физике – достижения квантовой механики. Он развивает здесь и ту концепцию ритма, которую изложил еще в «Интуиции мгновения». Поскольку все темпоральные феномены, и в том числе человеческая жизнь, подчиняются определенным ритмам, человек лишь тогда сможет прочно держаться в реальности, когда научится жить в соответствии с собственным ритмом – ритмом усилий, труда и покоя. Необходимо гармонизировать эти ритмы с помощью ритмоанализа, который, подобно психоанализу, может быть полезным человеку в организации его жизни и сознания. «Ритмоанализ» – это название книги бразильского философа Луиса Альберто Пинейро душ Сантуша, вышедшей в 1931 г.; она произвела на Башляра сильное впечатление. В «Психоанализе огня» он тоже упоминает о психологических принципах ритмоанализа Пинейро душ Сантуша, по мнению которого «*временной реальностью* обладает лишь то, что вибрирует»²². Упорядочивая темпоральное многообразие, ритмы жизни человека, можно помочь ему, излечить страдающую душу, пишет Башляр. Такие «ритмоаналитические медитации» могли бы несколько смягчить абстрактность нашей культуры, стать философским аналогом поэзии, дарующей людям радость. А разве не могла бы поэзия «быть самым принципом творческой эволюции?»²³

Однако сам ритм Башляр понимает совсем не по-бергсоновски. Ритм для него – это «система мгновений». «Феномены длительности, – пишет он, – строятся из ритмов, хотя ритмы вовсе не обязательно опираются на однообразную и регулярную темпоральную основу»²⁴. Последние слова – опять выпад в адрес Бергсона, но упрек этот несправедлив. Вернее, не очень справедлив. Дело в том, что башлярская критика позиции Бергсона отчасти основана на некотором недоразумении. Так, длительность у Бергсона Башляр в обеих рассмотренных выше работах нередко называет однородной, единообразной, отождествляет «чистую длительность» с пустой. Он почему-то

не заметил того, что для Бергсона существенным было именно утверждение о качественной разнородности конкретного времени, что длительность у него — отнюдь не плавное течение, а скорее, если уж пользоваться метафорой реки, потока, это бурление, водоворот. В самом представлении о длительности как непрерывном взаимопроникновении разнородных элементов, как единстве многообразного кроется парадокс, свидетельствующий о том, что в концепции Бергсона имеется своя, оригинальная диалектика континуального и дисконтинуального, своя «диалектика длительности», которая и составляет, на наш взгляд, подлинный «нерв» его философии. Поэтому, когда Башляр пишет о том, что бергсоновская «концепция единого времени, безвозвратно увлекающего нашу душу вместе с вещами, — это лишь общая картина, которая очень плохо передает темпоральное разнообразие явлений»²⁵, он явно метит мимо цели. И когда в «Интуиции мгновения» он утверждает, также имея в виду Бергсона, что нужно «попытаться понять прошлое через настоящее, отнюдь не стремясь без конца объяснять настоящее прошлым»²⁶, он тоже оказывается несправедливым. Здесь он как нельзя более далек от подлинной сути бергсоновского учения с его пафосом изменения, свободы и новизны. И наоборот, в некоторых своих суждениях он, несмотря на полемические акценты, бывает как раз очень близок к Бергсону. Так, последний, мы думаем, вполне согласился бы с Башляром в том, что «время длится только обновляя и изобретая», что длительность — это не абстракция, а реальное богатство, а ее осознание есть «осознание *прогресса* нашего глубинного, сокровенного бытия»²⁷.

Но Башляром владеет иная интуиция, интуиция творческого мгновения, и с этой позиции длительность у Бергсона кажется ему абстрактной, единообразной, препятствующей осознанию новизны, случайности, свободы. Отчасти «повинна» в такой трактовке, вероятно, работа Бергсона «Длительность и одновременность. По поводу теории Эйнштейна» (1922), где Бергсон действительно впервые ввел идею общей для всех сознаний единой длительности. Сделано это было применительно именно к данному случаю, в целях сопоставления с концепцией Эйнштейна. Эту работу сам ее автор не считал удачной, и она давала, возможно, некоторые основания для упреков Башляра, хотя «общая для всех» не означает «единообразная», гомогенная. Но, как нам кажется, главное в этой истории все же — столкновение двух интуиций. Гётевское «Остановись, мгновение!» — вот тема, захватившая Башляра, в том числе в результате осмысления открытий в физике, той же теории Эйнштейна и создания квантовой механики, где особую роль играет именно идея прерывности, дискретности. В своей трактовке мгновения как момента пространства-времени он фактически вернулся к тому специализированному времени науки, которому Бергсон еще в «Опыте о непосредственных данных со-

знания» решительно противопоставил свою *durée*, длительность. В.П. Визгин пишет об этом: «Башляр воспринял Бергсона со стороны научно-аристотелианских корней метафизической традиции, более того, он подошел к концепции длительности французского метафизика как антиметафизик, как позитивист (хотя он во многом и преодолевает позитивизм, но, правда, не до конца, так как мировоззренчески остается в своей философии науки сциентоцентристом). Итак, он воспринял Бергсона, увы, догматически и сциентистски. Поэтому неудивительно, что, как он сам говорит, «от догматического сна его разбудила эйнштейновская критика объективной длительности... На самом деле Эйнштейн критиковал абсолютное, объективированное в духе Ньютона время, а не философски-мистическую *интуицию* времени, которой жила метафизическая мысль Бергсона... Но сама эта дилемма (длительность или мгновение), если ее рассматривать изнутри мира метафизической интуиции Бергсона, является ложной»²⁸. Да, действительно, в живом, конкретном опыте длительность, по Бергсону, оказывается изначальной, существуя до всякого разделения на такие противоположности, как непрерывное и прерывное, единое и многое и т.д. Об этом он писал еще в своей программной работе «Введение в метафизику» (1903), подчеркивая, что подобное разделение — дело интеллекта, который путем анализа расчленяет конкретную реальность на противостоящие друг другу элементы.

Во многих работах Башляра, посвященных творчеству, в том числе художественному, мы встречаем упоминания об исключительных мгновениях жизни, определяющих судьбу, о тех моментах, когда художнику по-новому открывается мир. В работе «Мгновение поэтическое и мгновение метафизическое» (1939), вошедшую позже в сборник «Право на грёзу» (1970), он продолжит развивать «психологию мгновения» и воздаст хвалу поэту, который, разрушая «простую непрерывность связанного времени»²⁹, создает произведения, несущие в себе «вертикальное время», отличное от обычного «горизонтального». В философии мгновения Башляр по-своему наследует давней традиции, видевшей в настоящем мгновении, в моменте «теперь» отсвет вечности, нечто такое, что действительно придает человеческой жизни вертикальное измерение, ориентируя ее ввысь. Таким в конечном счете и оказывается мгновение у Башляра.

Содержательно связано с изложенными выше темами и эссе «Динамическая диалектика грез Малларме», где в контексте размышлений о поэтическом творчестве вновь появляется понятие ритма: «Поэт стремится обрести ритм одновременно и более глубокий, и более свободный, ритм онтологической вибрации. В душе поэта само бытие разрастается и сокращается, раскрывается и закрывается, опускается и поднимается». Поэзия заставляет нашу душу вибрировать (это, отметим, типично бергсоновское выражение). Наконец, всю силу

поэзии Малларме, по Башляру, можно почувствовать лишь при помощи ритмоанализа, т.е. «психоанализа всех инерционных факторов, расстраивающих вибрацию нашего существа»³⁰.

Трудно сказать, случилось ли нашим философам обсуждать свои разногласия. Бергсон, прочитав книгу Башляра, говорил одному из друзей, что она его разочаровала³¹. Имеются сведения и о том, что Бергсон никак не реагировал на критику Башляра, и о том, что у них был плодотворный обмен мнениями по этой теме. Но в любом случае теоретические расхождения Бергсона и Башляра по вопросу о времени не остались только достоянием истории, они обсуждаются и сегодня. Известный французский историк философии, один из ведущих бергсоноведов Фредерик Вормс усматривает в этом не просто реакцию одного философа на концепцию другого, но нечто гораздо более существенное: свидетельство перехода от одного периода (или, как он выражается, «момента») французской философии XX в. к другому. В Бергсоне и Брюншвице, учителе Башляра, он видит ведущих представителей «момента 1900 г.», или «философии духа», на смену которому пришел «момент Второй мировой войны» с его главной проблемой и главным понятием — «существование». При такой периодизации Башляр оказывается как раз на переломе, на стыке двух этих моментов, и в самой его философии вызревает та проблематика, которая с иных позиций будет разрабатываться экзистенциалистами. В числе этих тем — проблемы «ничто», диалектики негативности и ее роли в человеческом сознании и существовании, исследованные Башляром в ходе критики Бергсона. Если в работе «Интуиция мгновения» Башляр еще держится в рамках бергсоновских понятий, то в «Диалектике длительности», отделенной от нее четырьмя годами, сам контекст явным образом обновляется³², что свидетельствует об изменениях, происходивших в самом способе постановки и обсуждения философских вопросов.

В 2006 г. в Лионе состоялась международная конференция на тему «Башляр и Бергсон: континуальность и дискретность?» Она продолжалась три дня и показала, что вокруг самой этой проблемы завязан сложный узел отношений двух философских концепций — отношений, которые никак нельзя свести только к наследованию идей или разрыву. Теоретические взгляды двух философов, как и их разногласия, получили здесь разные интерпретации, охватывающие широкий круг проблем — от философии науки до эстетики. По мнению ряда исследователей, тенденциозное прочтение Бергсона потребовалось Башляру для того, чтобы на этом фоне четче определить, оттенить свою позицию, «возвести опоры своей философии темпоральности»³³. Высказывалось мнение и о том, что башляровская критика, при всех возможных и даже необходимых оговорках, все же позволяет глубже

осмыслить концепцию самого Бергсона, побуждает еще раз задуматься над ее основаниями, способами аргументации и т.п.

К тому же нельзя сказать, что Башляр полностью отрицал непрерывность. Прочитируем еще раз В.П. Визгина, исследовавшего все творчество французского философа: «Понятия непрерывности и прерывности иерархизированы в концепции Башляра таким образом, что первичной и базовой выступает именно прерывность, а коль скоро она установлена, то открывается место для связи раздельно определенных моментов. Время и история в принципе дисконтинуальны. Однако существует в истории и связь, когезия времен, понятий, традиций, старого и нового, т.е. инстанция континуализации. Научная мысль в высшей степени обладает этими связывающими свойствами»³⁴. «Инстанция континуализации» заявляет о себе, как показывают тексты Башляра, и в других областях его творчества, например в исследовании поэтического воображения. Так, в «Поэтике грез», написанной философом незадолго до смерти, мы находим прекрасные описания работы воображения, связанной, кроме прочего, и с памятью. Говоря о том, какую роль в жизни и сознании человека играют образы, запечатленные и хранимые в памяти с самого детства, как они выражаются в воспоминаниях, Башляр фактически представляет читателю именно то взаимопроникновение состояний сознания, их непрерывную, неразрывную связь, о которых писал Бергсон. Хотя иногда он и говорит здесь об отдельных мгновениях, остающихся в памяти, однако время, живущее в воспоминаниях, предстает в его изложении и в совсем другом виде: «...детство длится всю жизнь. Оно возвращается, чтобы оживить целые области взрослой жизни... Благодаря этому мы сознаем свои корни. От этого укрепляется все древо бытия. Поэты помогают нам обрести в самих себе это живое детство, детство непрекращающееся, дрящееся и неизменное... Это время наполненной глубоко личным переживанием элегии, время оставляющих свой след сожалений, является психологической реальностью. Именно это время и есть та длительность, которая длится»³⁵. Уже по используемой терминологии видно, что здесь опять «маячит тень» Бергсона, с которым на сей раз Башляр, пусть отчасти, готов согласиться.

В заключение отметим, что в данной статье мы затронули лишь один аспект многоплановой темы, которая безусловно заслуживает, на наш взгляд, дальнейших исследований. В числе других сюжетов, очень существенных для творчества обоих философов, — пространство; память и воображение; образ и метафора. Вопрос же о континуальности и дискретности так и останется, наверно, одной из важнейших загадок времени. Каждый из нас по-своему воспринимает время, а почему — это уже проблема уникального личного опыта

всякого человека, опыта, который составляет и глубинное основание философских концепций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башляр Г. Психоанализ огня / пер. Н.В. Кисловой. – М: Прогресс, 1993. – С. 26.

² См. подробнее об этих проблемах: *Гайденок П.П.* Время. Длительность. Вечность. – М.: Прогресс-Традиция, 2006; *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 15 – 41.

³ *Бергсон А.* Творческая эволюция. – М.: Канон-Пресс, Кучково поле, 1998. – С. 41.

⁴ *Бергсон А.* Введение. Часть первая // *Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 90.

⁵ См. об этом подробнее в нашей статье «Бергсон и переоткрытие времени» // Вопросы философии. 2007. № 8.

⁶ См.: *Bachelard G.* La dialectique de la durée. – Paris: PUF, 1989. – P. 7.

⁷ Башляр Г. Интуиция мгновения / пер. В.П. Большакова // Башляр Г. Избранное: Поэтика грезы. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 188.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 199.

¹⁰ *Бергсон А.* Творческая эволюция. – С. 46.

¹¹ Башляр Г. Интуиция мгновения. – С. 204.

¹² Там же. – С. 212.

¹³ Там же. – С. 207.

¹⁴ Там же. – С. 211.

¹⁵ Там же. – С. 222. Можно было бы проследить связь концепции привычки, излагаемой Башляром, с учениями о привычке французских спиритуалистов XIX в. Мен де Бирана и Равессона, хотя автор их здесь не упоминает.

¹⁶ Там же. – С. 227.

¹⁷ *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собр. соч. В 4 т. Т. 1. – М., 1992. – С. 291.

¹⁸ *Bachelard G.* La dialectique de la durée. – P. VI.

¹⁹ Ibid. – P. 2.

²⁰ Ibid. – P. V.

²¹ *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 50.

²² Башляр Г. Психоанализ огня. – С. 49.

²³ *Bachelard G.* La dialectique de la durée. – P. XI.

²⁴ Ibid. – P. IX.

²⁵ Ibid. – P. VI – VII.

²⁶ Башляр Г. Интуиция мгновения. – С. 193.

²⁷ Там же. – С. 233, 235.

²⁸ *Визгин В.П.* Между понятием и образом // Башляр Г. Избранное: Поэтика грезы. – С. 404 – 405.

²⁹ Башляр Г. Мгновение поэтическое и мгновение метафизическое // Башляр Г. Избранное: Поэтика грезы. – С. 375.

³⁰ Башляр Г. Динамическая диалектика грез Малларме // Башляр Г. Избранное: Поэтика грезы. – С. 336, 338.

³¹ См. об этом: *Chevalier J. Entretiens avec Bergson.* – Paris, 1959. – P. 256.

³² См.: *Worms F. La philosophie en France au XX-e siècle. Moments.* – Paris: Gallimard, 2000. – P. 339 – 341.

³³ *Polizzi G. Rythme et durée: la philosophie du temps chez Bergson et Bachelard // Bachelard et Bergson: Continuité et discontinuité? Actes du Colloque international de Lyon, 28 – 29 – 30 septembre 2006.* – Paris: PUF, 2008. – P. 54.

³⁴ *Визгин В.П. Эпистемология Г. Башляра и история науки.* – М.: ИФРАН, 1996. – С. 113.

³⁵ *Башляр Г. Поэтика грёзы // Башляр Г. Избранное: Поэтика грёзы.* – С. 24, 25.

Аннотация

В статье сопоставляются концепции времени, представленные А. Бергсоном и Г. Башляром. В работах «Интуиция мгновения» и «Диалектика длительности» Башляр, отвергая бергсоновское учение о длительности, излагает собственную концепцию, в центре которой – понятие мгновения. По Башляру, именно мгновение является специфической характеристикой времени, поскольку представление о непрерывности, континуальности времени не позволяет понять суть свободы, изменения, творческого акта.

Ключевые слова: длительность, время, непрерывность, мгновение, ритм.

Summary

The author compares A. Bergson's and G. Bachelard's conceptions of time. Bachelard in works «The Intuition of the Instant» and «The Dialectic of Duration» rejects the Bergson's doctrine of duration and expounds his own conception based on the concept of instant. In Bachelard's opinion, just the instant is the distinguishing feature of time, while an idea of continuity of time does not allow to understand the essence of freedom, change, creative act.

Keywords: duration, time, continuity, instant, rhythm.